Похороны были красивыми, и почти все улыбались.

Улыбались и работодатели покойного. Им больше никогда не придется полагаться на судебную смекалку Мика Фелана, его энциклопедические знания о политике Чикаго, его умение вести переговоры в запутанном и лабиринтообразном мире, где встречаются закон, коррупция и преступность. Они будут сожалеть о его потере, но в Чикаго были десятки адвокатов мафии, а Мик был неприятным типом даже для них.

К тому же им больше не придется оплачивать счета этого ублюдка.

Враги покойного улыбались. Им не придется смотреть с мрачным лицом и отвращением, как он извращает и злоупотребляет законом ради своих целей и целей своих клиентов; еще один инструмент для накопления непристойных богатств и для того, чтобы держать убийц, вымогателей, похитителей и воров за решеткой. Там был специальный посланник из офиса окружного прокурора. Говорили, чтобы убедиться, что этот ублюдок действительно мертв.

Сослуживцы покойного улыбались. Они проходили мимо гроба по одному, и если кто-то из них и проронил слезу по человеку, который превратил их рабочие дни в мучение, а праздники - в ад, никто этого не заметил.

Родственники покойного улыбались - те, кто удосужился прийти. Те, кто был достаточно трезв, чтобы доехать до церкви. Те, кто мог выдержать этот фарс. Те, кто не был сломлен им.

Как отец Тома.

Том Фелан сидел на скамье рядом с матерью, его лицо было высечено из камня, когда он вспоминал своего мягкого, порядочного отца, которого довел до пьянства, наркотиков и смерти монстр, лежащий сейчас в соборе в гробу из розового дерева.

Все, что осталось у Тома от Дага Фелана, - это фотографии и воспоминания.

Он крепко сжал руку матери, когда епископ начал перечислять воображаемые достоинства Мика Фелана. Его губы изогнулись в невеселой улыбке, когда он задался вопросом, сколько именно денег заплатили этому ханжескому ублюдку за заупокойную мессу.

Почему его облачение не загорается? с горечью спросил он. Почему не горит сам крест, а не свидетели такого непристойного зрелища? Рядом с ним из глаза Кэтлин Моррис Фелан выкатилась слеза и, словно драгоценный камень, повисла на ее щеке под черной вуалью, и Том понял, что она тоже думает о его отце.

Четыре года, папа, подумал Том. Если бы ты смог продержаться еще четыре года, ты мог бы быть здесь, с нами".

Но Даг Фелан, доведенный до предела своим тиранническим отцом, покончил с собой, выпив бутылку таблеток в своем кабинете поздно вечером, не в силах больше выносить издевательства, которым его подвергала родня, и не имея возможности, благодаря влиятельным связям Мика Фелана, вырваться и найти собственную работу.

Кэтлин наконец-то сделала то, что не смог сделать Даг, полностью покинув Чикаго и переехав в Айову, где она нашла работу библиотекаря. Том, учившийся тогда на последнем курсе Северо-Западного университета, согласился на дьявольскую сделку и деньги деда и на следующий год поступил в юридическую школу.

Сейчас он улыбался от искреннего счастья.

Если бы ты знал, что я собираюсь делать со своим дипломом, ты бы кричал в аду, старый ублюдок.

Вообще-то, я надеюсь, что ты и так кричишь.

Он осознал, что промечтал до конца проповеди и последнего гимна, и что впереди показались гребцы. Он подошел, чтобы присоединиться к ним. Он занял место в центре закрытого гроба, напротив своего двоюродного брата Скотта, запах дешевого виски витал вокруг него, как облако.

"Ладно, ребята", - прошептал его единственный живой дядя Марк. "Давайте отнесем старого сукиного сына на кладбище и посадим его поглубже. Иначе он может решить вернуться".

Том вздрогнул. Мужчины, как один, подняли гроб и понесли его к алтарю. Он смотрел вперед, но когда они вышли из нефа в вестибюль, он впервые увидел ее, сидящую на последней скамье.

Она была одета во все черное, как и большинство женщин на службе. Платье, несмотря на строгий покрой и форму, так плотно прилегало к ее точеным изгибам, что его можно было бы даже нарисовать на ее теле. Ее волосы были черными, как смоль, и ниспадали, как волнистая река, по молочно-бледным плечам до середины спины.

Но именно ее глаза привлекли и удержали внимание Тома. Полуночно-синие, они смотрели на него и на гроб, который он держал, взглядом, в котором смешались надежда и отчаяние.

Том вздрогнул и отвел от нее взгляд. Ее глаза напомнили ему наркоманов, которых он видел на улицах Чикаго. Они ненавидели свою жизнь, но еще больше боялись мысли о том, чтобы жить без своей зависимости.

"Том!" шипел Марк. "Обрати внимание, черт возьми!"

Том начал. Почему-то его походка отклонилась в сторону таинственной женщины, и он отвлек

остальных носильщиков. Он быстро перевел взгляд вперед и выровнял походку, возвращая гроб на прежний путь.

У подножия ступенек стоял катафалк с открытой задней дверцей. Том помог задвинуть в него гроб, затем отошел в сторону. Марк плотно закрыл дверь, и все они пожали друг другу руки, уже начавшие потеть от не по сезону майской жары. Вокруг них люди выходили из церкви и расходились к своим машинам.

Одна глава заканчивается, другая начинается, - кисло подумал Том. По крайней мере, нам не придется снова заниматься этой ерундой на кладбище. Семья категорически отказалась проводить еще одну церемонию на месте захоронения, и Мик Фелан будет похоронен, и никто, кроме могильщиков, не составит ему компанию.

Он подошел к матери, которая принимала соболезнования от тех, кто не знал ничего лучшего. Когда он подошел, толстый мужчина в дорогом костюме разговаривал с ней, рядом с ним стояла его такая же пухлая жена.

"...Такая большая потеря для юридического сообщества. И для вашей семьи, я уверен, тоже. Позвольте мне выразить свои самые искренние соболезнования".

Мать Тома жестко улыбнулась, но он уловил едва заметное движение назад, как будто она собиралась повернуться и убежать. Он быстро шагнул вперед, прижался всем телом к плечу матери, едва заметно поддерживая ее.

"Олдермен Крогер! Какой сюрприз! Я не знал, что осужденных преступников выпускают из тюрьмы на похороны".

Глаза Крогера стали прищуренными. "Приговор был сокращен до условно-досрочного освобождения, молодой человек. Мне разрешено покидать свой дом при определенных обстоятельствах, таких как это".

"Да, я слышал. Вам очень повезло, что у вас был такой хороший защитник. Большинству государственных чиновников, у которых находят тайник с детской порнографией, не так повезло, особенно если они еще и являются объектами федерального расследования по делу о взяточничестве". Он наклонился вперед и понизил голос до громкого шепота, который наверняка привлечет внимание тех, кто находится поблизости. "Расскажите мне. Как дедушке удалось снять эти обвинения? Кому вы, ребята, откупились? Федералам? Судье? Прокурору?

"Ну что ж", - сказал он с невеселой ухмылкой в ответ на возмущенный взгляд Крогера. "В конце концов, это Чикаго. Весь этот город провонял коррупцией и скандалами".

Он повернулся к матери. "Кажется, все уезжают. Что скажешь, если мы уедем?"

"С радостью", - сказала Кэтлин. Она отвернулась от Крогеров, кивнув едва ли вежливо, и они отправились искать машину Тома.

****

"Боже правый, как я рада, что все закончилось", - простонала его мать, когда они вошли в маленькую квартиру Тома в Эванстоне. Она оттолкнулась каблуками и рухнула на его кресло, устало закрыв глаза.

В свои почти пятьдесят лет Кэтлин Фелан все еще сохраняла некоторые черты внешности, которые привлекали отца Тома, но ее лицо было изрезано и ухожено раньше времени, а в насыщенных каштановых волосах было много седых прядей. Годы проигранной борьбы с депрессией и алкоголизмом Дага состарили ее. Несмотря на ее любовь к мужу, его смерть была в некотором роде благословением, поскольку дала ей шанс вырваться из-под влияния свекра и начать все сначала. Сейчас она была счастливее, чем с первых дней замужества, и о возвращении в Чикаго она думала не больше, чем о полете на Луну.

"Как долго вы собираетесь здесь оставаться?" спросил Том.

Она прищурила один глаз. "Сегодня вечером. Потом я уеду из этого проклятого города, и если я когда-нибудь сюда вернусь, разрешаю тебе посадить меня в психушку".

"Да ладно, мам. Чикаго не так уж плох. У нас здесь много хорошего. Озеро, Второй город, спорт..."

"Преступность, пробки, коррупция, загрязнение. Я в любой день соглашусь на вонь свинофермы в Айове, чем на то, что у вас здесь есть. Когда ты собираешься выбраться из этой ямы, Том?"

"Я сдам экзамен на адвоката через три недели. После этого у меня уже назначены собеседования. Надеюсь, к концу июня, когда закончится срок аренды, я уеду подальше от папиной семьи".

"Хорошо", - твердо сказала она. "Я не знаю, когда будет зачитано завещание старого хрена, но у тебя есть мое разрешение действовать от моего имени. Я умнее, чем ожидать от него чего-либо. Надеюсь, ты тоже", - сказала она, приподняв бровь.

Том кивнул. "Меня не удивит, если я узнаю, что он оставил все свои деньги NRA или Обществу Джона Берча, просто чтобы напоследок всех надуть", - сказал он. "И мы знаем, что мы никогда не были его любимчиками. Черт, да он мог бы вообще не писать завещание, просто ради удовольствия посмотреть, как все вцепятся друг другу в глотки".

"Но от многого можно избавиться, если дело дойдет до суда. Дом в Чикаго и дом на Женевском

озере. Машины. Содержимое домов. Деньги. Искусство. Другая собственность. Господи, это может затянуться в суде на годы. Одному Богу известно, кого он назначил душеприказчиком, если он вообще это сделал. Это точно был не я".

"Тем более не стоит в это вмешиваться, малыш", - сказала Кэтлин, поднимаясь на ноги. "Я собираюсь принять душ, а потом ты пригласишь меня поесть, и мы сможем забыть обо всем этом".

"Единственное, чего нет в Айове, - сказала она с ухмылкой, - это приличные суши. Так что приготовьтесь к роллам с вулканом, сашими и палочкам для еды".

****

На следующий день Том проснулся поздно. Он забрел на свою крошечную кухню, одетый только в боксеры и легкую футболку, и увидел на столе записку от матери, написанную синими чернилами на обратной стороне одного из бланков для подготовки к экзамену на адвоката.

Доброе утро, соня. Я проснулся рано, и мне не хотелось торчать здесь. Я уезжаю домой. Извини, что вырвался и убежал, пока ты еще спишь, но ты же знаешь, как это у меня бывает. Позвони мне, когда проснешься. Я буду на шоссе I-80 и вернусь в Де-Мойн раньше, чем ты это заметишь.

С любовью,

мама.

"Черт."

Он выбежал на улицу, надеясь поймать ее до того, как она уедет, но ее машина исчезла с обочины перед жилым домом. Судя по тону записки, она, вероятно, проснулась около рассвета. Его диван не очень-то располагал к долгому и неторопливому сну.

Он, ссутулившись, поднялся по лестнице в свою квартиру, не ожидая ничего, кроме еще одного дня подготовки к экзамену.

К счастью для него, у жизни были другие планы. Когда он открыл дверь, то был ошеломлен, увидев женщину с похорон, полностью обнаженную, стоящую на коленях в мольбе на ковре в его скудной гостиной. Когда он вошел, она подняла к нему залитое слезами лицо.

"Пожалуйста, не прогоняйте меня", - сказала она.

****

Ее кожа была бледной, как кость или лунный луч на снегу. Но ее волосы были черными, как вороново крыло, а глубоко посаженные глаза - голубыми, как зимнее небо в сумерках. Ее губы были полными и красными, а тело создано для любви.

Том смотрел на ее лицо и фигуру и желал ее сверх всякой меры. Он хотел заключить ее в свои объятия и успокоить ее страхи. Он хотел защитить ее и одновременно овладеть ею.

Он сделал шаг к ней и остановился, когда она испуганно отпрянула от него, отползая назад на руках и коленях. Он поднял руки, чтобы показать, что не желает ей зла, а затем остановился, ошеломленный необычностью ситуации.

Он нахмурился. "Кто ты, черт возьми, такая? И как, черт возьми, ты попала в мою квартиру?".

Она наклонила голову, коснувшись лбом ковра, совсем как религиозный фанатик, поклоняющийся неприятному богу.

"Я твоя", - сказала она, и ее голос заскрипел от ненависти и горя.

"А?"

"Я. Я. Твоя", - повторила она медленно и отчетливо. "По законам наследования я перехожу в твою собственность. Если только ты не решишь отослать меня прочь. Если ты так решишь, у меня не останется другого выхода, кроме как пойти к твоим кузенам и отдаться им".

Том был наполовину искушен открыть дверь и потребовать, чтобы эта сумасшедшая женщина ушла. Но: "К Скотту и Шону?" Том покачал головой. Они были сыновьями-близнецами его дяди Мэтью, свиньи, умершего от инсульта шесть лет назад. Сыновья были не лучше отца, и только каким-то чудом они оказались достаточно трезвыми, чтобы помочь вчера нести гроб.

Одному Богу было известно, что они сделают с этой женщиной, если она появится в их доме.

"Послушай", - сказал он, качая головой. "Я не знаю, кто ты и откуда, но я не могу так с тобой разговаривать. Встань, и я найду, что тебе надеть".

"Мой хозяин добр".

Том проводил ее взглядом, уходя в свою спальню. В ее голосе была глубокая ирония, а в умных глазах за страхом скрывался малейший проблеск веселья.

Он достал из бюро футболку Cubs и пару спальных шорт, затем вернулся в гостиную и остановился, бесполезно хлопая челюстью.

Женщина теперь стояла, но она больше не была голой. Вместо этого она была одета в бледно-зеленое нижнее белье, цвета весенней листвы. Чулки ласкали плоть ее ног, а затем переходили в пояс с подвязками и трусики, обхватывающие стройные бедра. Нежный кружевной бюстгальтер удерживал и приподнимал ее высокую, упругую грудь. Ее волосы были перевязаны зелеными лентами в тон одежде и спадали косой до поясницы.

"Что? Как?"

"Это не нравится моему господину?" - спросила она, скромно опустив глаза. "Возможно, вам подойдет другой вариант".

В воздухе возникла рябь, и она появилась снова, на этот раз в строгой черной одежде монахини. Затем еще одна, и она стала французской горничной, в комплекте с пелериной. Потом еще один, и она была одета как Мэрилин Монро на знаменитой фотографии, руки тщетно пытались справиться с юбкой, темно-синие глаза лукаво смотрели на него через одно плечо.

Том рухнул на диван. "Пожалуйста, остановитесь", - простонал он, прикрывая глаза рукой. Он протянул одежду. "И, пожалуйста, надень это, чтобы мы могли поговорить".

"Он служит мне своими руками", - пробормотала она, ее голос был низким. "Мой господин милостив".

"Не называй меня так!" Она отпрыгнула назад с испуганным лицом, когда он набросился на нее. Он осмелился поднять глаза: она была одета в одежду, которую он ей передал. Он потер лицо руками.

"Я никому не хозяин. Я мужчина, и меня зовут Том. Пожалуйста, зовите меня по имени". Он подождал, пока она кивнет, ее черные волосы, снова освободившись, скрыли от него ее лицо.

"Теперь, - сказал он, его голос был мягким. "Для начала скажите мне, как вас зовут, и что вы делаете здесь, в моей квартире".

Женщина глубоко вздохнула, затем смело подняла лицо и посмотрела ему в глаза.

"Меня зовут Рианнон. Или Риона. Я младшая и наименее уважаемая дочь Бригид, дочери Дагды, верховного короля Туатха Де Дананн".

Том Фелан потерял сознание.

****

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что смотрит в потолок своей квартиры, а его голова обложена чем-то теплым и мягким. Он повернулся на бок и, моргнув, понял, что его голова лежит на бедрах Рианнон, а его лицо находится всего в нескольких дюймах от ее паха. Он вскочил на ноги, сильно покраснев. Она осталась сидеть на диване, нахмурив брови.

"Ты из Туатха? Один из сидхе? Справедливый народ? Какого черта ты делаешь в Чикаго?" У Тома закружилась голова. Из всех достоинств его деда, которых было не так уж много, самым лучшим было его обширное знание ирландского фольклора и мифологии. В те редкие вечера, когда он был в хорошем настроении, он иногда рассказывал истории из "старой страны", как он ее называл, хотя он был ирландцем в третьем поколении, а Феланы не жили в Ирландии с начала двадцатого века. Истории о Туатхе и Сидхе занимали среди них видное место.

"С твоим дедом это случилось", - сказала она, ее голос был низким и ненавидящим.

"Будучи младшим ребенком у своей матери, я была дикой и глупой, и мне нравились люди и приспособления, которые они придумывали для облегчения своей жизни. Какими умными я их считала! Поэтому чаще, чем следовало, я покидал безопасный Тир-На-Ног и отправлялся в царство смертных.

"Там я и встретил его, однажды ночью, почти пятьдесят лет назад. С запада надвигалась буря, и мой прекрасный белый конь Снеахта хромал и устал. Я был мокрым, усталым и испуганным.

"Он подъехал на своей машине, когда мы шли по обочине дороги. В то время он гостил в Ирландии и предложил мне место для ночлега и конюшню для Снеахты. Но он готовил ловушку".

"Мне говорили, что в молодости он был очаровательным ублюдком", - пробормотал Том. Рианнон кивнула.

"Одному лишь Верховному Королю известно, как он угадал мое имя и родословную. В ту ночь он был джентльменом до последнего дюйма, но утром я совершила ужасную ошибку. Когда мы ели утреннюю трапезу, я поблагодарила его за заботу".

Она вздрогнула. "О, Том. Как он смотрел на меня, когда я произнесла эти слова! Как будто хищный зверь обрел форму человеческого тела. Он слишком много знал о нас. Когда я поблагодарил его, он улыбнулся и сослался на древние пути; что, поблагодарив его, я оказался у него в долгу".

"Благодарить Туатха опасно", - напомнил Том. "А если человек получает благодарность от одного из них, это знак великой благосклонности, так как это ставит Туатха в положение призыва".

Глаза Рианнон слегка потеплели, когда Том продолжил ее рассказ. "И поскольку я была молода и глупа и не думала, что кто-то посмеет причинить мне зло, я согласилась. Он

попросил меня встретиться с ним через три ночи, и мы рассчитаемся".

"И ты согласилась?" - в его голосе звучало недоверие.

"У меня не было выбора", - сказала она, встретившись с его глазами. "Я была связана честью".

"А вот Мик Фелан", - ее рот искривился, - "нет".

"Я пришла на третью ночь. И у него был с собой контракт. Клочок бумаги, сказал он, на котором было записано, что ему причитается. Что мне за дело до каракулей на пергаменте, подумал я. И я взял перо, подписал свое имя, и моя жизнь закончилась".

"О, Боже", - стонал Том. Хотя основным призванием Мика был адвокат по уголовным делам, его умение составлять контракты было легендарным. Длинные, запутанные и непроницаемые, они могли быть прочитаны десятком разных людей десятком разных способов. До него дошли слухи, что один из контрактов его деда стал причиной судебного разбирательства, которое длилось одиннадцать лет и довело двух независимых арбитров до отставки.

"Что было написано в контракте?"

"Что я принадлежу ему", - просто ответила она, когда Том поднял голову и в ужасе посмотрел на нее. Она мрачно встретила его взгляд. "Его до дня его смерти. А потом я перейду к его кровным родственникам. И так далее. Навсегда.

"И пока я была его, я служила ему, как он пожелает. Готовить ему еду. Убирать его дом. Обслуживать его сексуально. О, да", - сказала она, когда его желудок сжался. "Он ссылался на этот пункт много-много раз. Как вы думаете, почему я предстала перед вами в таком виде? Он предпочитал, чтобы я так приветствовала его, когда он приходил домой каждый вечер".

"Каждую ночь?" прошептал Том.

Она кивнула. "В течение сорока восьми лет.

"Я пыталась бороться с этим, когда он рассказал мне, что я сделала. Я призвал свою силу и обратился к самому Верховному Королю. И он последовал за мной, злорадствуя. И мой собственный род вынес решение против меня, ссылаясь на честь Туатха. Сказав, что я поблагодарил его и признал долг по собственной воле, и что я не был под принуждением, когда подписывал договор.

"Верховный король сказал мне, что жизнь смертного коротка по сравнению с Туатха, и раз уж я так увлекся смертными, я мог бы использовать это время с пользой, чтобы узнать о них больше.

http://tl.rulate.ru/book/2471/61760